

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дискуссии о сообществе – о том, как его понимать и как оно возможно, – составляют актуальную повестку современных философских и социальных наук. Знаком времени стало размыкание дисциплинарных границ философии, осознавшей, что для вскрытия социальных патологий и артикуляции социальных надежд нужен новый формат мышления, позволяющий впитать экспертное видение и проблематизацию социального, осуществляемые в поле нефилософских практик мышления и действия. Это новое – дружественное – взаимодействие философии с другими мыслящими (часто – инакомыслящими) игроками опирается сегодня на также ставшее трендом нарушение чистоты философской рефлексии: она более не хранит дистанцию по отношению к эмпирическому – к текущим и взрывным событиям из ежедневной ленты новостей, к рутине и сюрпризам повседневной жизни; она работает *в поле*, разворачивая посреди связей и несвязностей жизненного мира свой концептуальный «ЖЖ». Похоже, сегодня именно эта ангажированность придаёт философам уверенность в том, что утверждение «Мышление – тоже практика» может найти понимание и у нефилософской аудитории.

В качестве введения в проблематику номера нам послужат ответы Жан-Люка Нанси – одного из ключевых авторов в актуальном философском осмыслении сообщества – на вопросы нашего журнала. В своей взаимосвязи эти довольно лаконичные ответы намечают что-то вроде смысловой навигации – точнее, одной из возможных навигаций – по содержанию данного выпуска. Наш первый вопрос касается как раз характера, или способа, философской работы.

*В какой мере и при каких условиях имеет смысл анализировать вопрос о сообществе в некоей общей – скажем, философской – манере, то есть рассматривать сообщество как определённую абстракцию? Другими словами, что является, говоря методологически, наиболее плодотворным способом прояснения того, что и как **есть** сообщество?*

Нанси:

«Думать о слове, о его значении и использовании, о том, как эти значения открывают или же не открывают определённые смысловые возможности, в этом нет совершенно ничего абстрактного. Это работа с конкретной жизнью смысла, имеющей место между людьми. Это в равной мере касается, например, и проблем перевода: как возможно перевести слово “сообщество” на тот или другой язык? Почему именно так? etc. Другой пример: как и почему слово “коммунизм” остаётся непереведённым во многих языках (только транскрибированным)?

Так или иначе “абстракция” существует, только если люди думают, что слово имеет (или есть) фиксированное значение...

Но в чём заключалось бы значение в случае со словом сообщество – *communauté*? “*Com*” – латинское *сум*. Что означает “*сум*”? Вместе? Близко? Рядом? Что подразумевает Хайдеггер, говоря о категориальном или же экзистенциальном значении “*mit*”? Что означает “вместе” (“*avec*”) во французском? Оно означает *apud hoc* (лат), то есть: близко к этому. А что значит “близко”, “близость”, “приближение”?

Но главное в итоге, что нельзя спрашивать “что есть?” – именно потому, что здесь нет “сущего”, нет “некой вещи”. И тогда, если “близко к” – это не вещь и не сущее, как же нам следует это мыслить?

Etc; etc. Это наиболее конкретный способ узнавать на опыте жизнь, включая чувственное, практику... Это само по себе практика – вот что следует подчеркнуть. Мысль практична, или же мышление не случается. И это всегда совместная практика – никто не мыслит в одиночестве!»

Поскольку в номере публикуется несколько переводов текстов Нанси, мы самым непосредственным образом испытали, как вибрирует смысл при переходе от одного варианта перевода к другому, но подобное варьирование – даже если почувствовать к нему вкус, то есть прочувствовать его собственную плодотворность, – в итоге должно остановиться на каком-то одном варианте – именно для того, чтобы стать *со*-общением, вступить в разговор. Так, для “*avec*” было выбрано в качестве перевода не лаконичное “*с*”, а более настойчивое “*вместе*”. Эта констатация как будто бы обязывает к неким объяснениям, но мы не станем этого делать, предоставляя читателям самим испытать, насколько обоснованно это решение, даже если оно и не является единственно возможным.

Материалы номера пронизаны апеллированием к тем или иным конкретным формам и примерам бытия-вместе, высвечивая всякий раз парадигматическое противопоставление тотализирующих образований (вроде «советский народ») и партикулярных проживаний (переживаний и практик) совместности, воображаемой незыблемости первых и тревожащей неустойчивости вторых. Подобно тому как когда-то Кант отказал мышлению (мыслящему субъекту) в способности схватить мир в целом, то есть составить о нём понятие, так сегодня философия отказывается от притязаний схватить тотальность социальной жизни в некой позитивной идентификации, делая приоритетным предметом анализа возникновение сингулярных сообществ, пульсирование которых предполагает как раз разомкнутость социального поля или же настаивает на такой разомкнутости. Отсюда и наш второй вопрос к Нанси.

Что является для вас наиболее впечатляющим примером общества (как реальной практики)?

Нанси:

«Это было во Франции в 68-м. Совсем другие примеры – движение *Оссиру* или выступления в Монреале прошлых лет, или нынешние выступления в Турции, а равно и в Иране после выборов. Перед этим – на площади Тахрир в Каире. Я говорю сейчас о самых видимых сообществах, то есть массах, формирующих бытие-сообща без всякой иерархии и отношения к чему-то вроде политического лидера, абстрактной идее или Богу.

Но есть разные способы бытия-сообща: например в театре, где возникает интенсивное чувство участия в силе и красоте представления...

Или... сообщество всех героев, участвующих в романе Роберто Боляно (*Roberto Bolaño*) *Дикие детективы...* (литература – это тоже практика)».

В этом кратком перечислении как будто бы содержится предложение взглянуть на жизнь индивида с точки зрения постоянной смены одного способа бытия-сообща другим, так, словно человек всю жизнь переходит из одной комнаты в другую, где-то задерживаясь дольше, где-то короче. Однако такой подход, будучи близким социологическому анализу, уводит от вопроса о том, как же возникает сообщество? Нанси, как мы видели, предпочитает глагольную лексику в рассуждениях о сообществе: вместо привычных «форм» речь идёт о «способах бытия». Если следовать такому – десубстанциализирующему – толкованию, то есть если исходить из того, что сообщество (пока оно свершается) – это всегда сообщество *in statu nascendi*, то образ анфилады с её преданными, сменяющими друг друга помещениями радикально неверен. Вспоминая события 19 декабря 2010 в Минске, можно сказать, что протестное сообщество формировалось тогда в самом движении перехода, точнее – выхода из дома на улицу, – формировалось как *видимое* (явленное и даже предьявленное) сообщество. Более того: оно не сложилось бы, если бы не было невидимой фазы – напряжённого приватного вслушивания и вчитывания в последнюю информацию, взволнованного обсуждения «пойдём или нет?» и решимости, являющейся не эксцентрическим жестом атомарного индивида, а доказательством того, что солидарность может быть внутренним императивом.

Политическое участие и политическая мобилизация составляют сегодня *agenda* в дискуссиях о сообществе. Протестные движения получили столь широкое распространение и стали столь органической частью глобализующегося мира, что в массмедиа сейсмограф протестности стал почти таким же информационным модулем, как и прогноз погоды. Но является ли вопрос о сообществе *per definitionem* политическим вопросом? Об этом мы также спросили у французского философа.

Есть тенденция в современной мысли тотально политизировать вопрос о сообществе. Утверждается, что все феномены социальной жизни являются политическими по своей сути (при этом подчёркивается, что политическое не идентично политике). Вы согласились бы, что именно в интересах сообщества необходимо удерживаться от такой политизации?

Нанси:

«Я как раз сейчас пришёл к пониманию того, что невозможно удерживать различие между “политическим” и “политикой” – потому что это одно и то же слово. Это внове для меня, это опыт, который я выношу из современного мира, где “политическое” начинает играть такую же роль, что и божественное! Я с этим не согласен. Есть политика, и она играет специальную и важную роль, но она должна играть её в отношении или во внимании к другим сферам, вроде искусства, любви, мышления и так далее, которые суть различные способы бытия-сообща, создания общего. Это очень долго объяснять. Я должен отослать к моим работам на эту тему...»

В продолжение вопроса о политическом было бы важно разобраться, о чём, собственно, свидетельствует тенденция абсолютизации этого измерения, прослеживающаяся и в отдельных текстах нашего номера. Восходящее ещё к Аристотелю возражение, что если всё является политическим, то сама эта характеристика утрачивает определённую и таким образом становится в принципе излишней, – этот, чисто логический, аргумент не отменяет необходимости прояснения тех условий, при которых все социальные феномены начинают рассматриваться через призму политического. Одержимость политическим, или, как говорит Нанси, его обожествление, предполагает, что по тем или иным причинам утрачивается способность проживать/воспринимать иные сферы бытия-сообща именно в их инаковости, то есть как вне-политические – не в том смысле, что они не находятся в связи с политическим, а в том, что они устанавливают свой собственный порядок отношений. Последний, даже если он и может быть описан в политических терминах (то есть вписан в актуальный политический контекст, пронизан политическим смыслом), не исчерпывается таким описанием, поскольку конституирование этого нового порядка осуществляется в силу специфического забвения сферы политического или, говоря феноменологическим языком, взятия её в скобки. Для темы нашего номера было бы важно понять не только условия, но и возможные последствия установления монархии политического.

Не трудно предположить, что соблазн тотальной политизации проблематики сообщества должен быть особенно силён именно в постсоветских странах в силу того, что социальная мысль развивается здесь «по линии» выхода из советской эпохи и, соответственно, по линиям разрыва с коммунистической идеологией. В этой связи возникает и следующий вопрос к Нанси.

Будучи поставлен контекстуально, то есть из той или иной локальной перспективы, вопрос о сообществе – о возможных путях и условиях бытия-друг-с-другом – обретает конкретную конфигурацию. Как бы вы описали конфигурацию вопроса о сообществе, касающегося постсоветских стран, и в частности Беларуси?

Нанси:

«У меня недостаточно опыта в этой сфере – из всех постсоветских стран я имею некоторое представление лишь о России. Я думаю, что эти страны отличаются тем, что в них предполагалось, что слово “коммунизм” должно стать реальной вещью – как если бы слово само по себе имело ясное и завершённое значение. В действительности советский режим разрушил многие формы прежних сообществ и создал только воображаемую новую форму – воображаемую и реальную, как форма униформности, коллективный героизм etc. Соответственно сегодня эти страны должны изобрести их собственный путь быть сообществами (как народ, как национальности, как культурные группы), но в то же самое время почти в такой же ситуации находятся все народы, нации, культуры по всему миру. Может быть, то, что мы видим наиболее ясно – это циркуляция между всеми, циркуляция, которая одновременно и общая, и дисперсная... Это новая ситуация для всех нас».

Можно ли, размышляя о сообществе, удерживать режим перформативности, или участности, как сказал бы Бахтин? Другими словами: при каких условиях и в каком смысле мысль о сообществе становится – или хотя бы может надеяться стать – актом формирования такового? И о каком сообществе или сообществах может идти здесь речь? Ответы на эти вопросы можно получить только эмпирическим путём, то есть вступив в разговор о сообществе, испытав мышление на предмет свойственного ему одному способа быть-сообща. Ради этого был задуман данный номер.

Татьяна Щитцова